– Я захотел стать зоологом, когда начал читать книги Джеральда Даррелла. Его самая замечательная вещь – «Моя семья и другие звери». Очень смешная. И это настоящий литературный шедевр. Правда, сначала я не хотел его читать, потому что был полностью захвачен книгами фантаста Кира Булычева. А мне мама говорила: почитай Даррелла, все вокруг его уже прочитали.

Я раз отказался, два отказался, потом все-таки заглянул в книгу, быстро втянулся и уже просто не смог оттуда вынырнуть. Прочитал одну книжку, вторую, третью, потом стал коллекционировать Даррелла. Я собрал все его книги, вышедшие на русском. В общем, я зафанател настолько, что даже написал ему письмо. Во всех его книгах печаталось обращение автора к читателю: если вам понравилась моя книжка и вы хотите помочь делу сохранения редких животных, пожалуйста, пришлите мне письмо по такому-то адресу.

Я подумал: человек просит, надо написать. Написал, мне ответили. Так мы стали переписываться сначала с секретарем Даррелла, а потом с человеком, который заведовал образованием в его зоопарке. Сам Даррелл был суперзнаменитый писатель, он встречался с английской королевой, был награжден орденами, и ему писали тысячи людей из разных стран. Но про мои письма он знал, это совершенно точно – мне об этом говорил его секретарь, потому что я был единственный ребенок бывшего Советского Союза, который отправил ему письмо.

Даррелл много писал о своей работе в зоопарке, поэтому я пошел работать юннатом, то есть юным натуралистом, в Ташкентский зоопарк (мы жили в столице Узбекистана). В первый же день я так извозюкался в грязи, что от меня пахло за 10 метров. Мы с чайками работали, а там рыба, помет… И душ негде было принять. Зато в общественном транспорте я тогда ездил свободно, потому что люди старались держаться от меня подальше. Моя книга «Брат юннат» – как раз об этом периоде.

А переписка моя с сотрудниками Даррелла продолжалась 5 лет, и в конце концов меня пригласили учиться в его зоопарк на острове Джерси. Самое обидное, что за полгода до

того, как я приехал в Англию, Даррелл умер, и у меня так и не получилось встретиться с ним. Зато я повидался с его женой Ли Даррелл.
Но необходимо уточнить, что зоолог – это человек с высшим образованием. А на этих курсах в Англии давали среднее специальное образование, и те, кто их окончил, это скорее зоотехники, а не зоологи.

– Что, на ваш взгляд, эффективнее для спасения природы – работать с животными напрямую или с людьми, с читателями?

– Очень хороший вопрос. Он меня довольно долго мучил, когда я работал в Московском зоопарке – это уже после обучения у Даррелла и моей поездки в Камбоджу. Я проработал год в отделе птиц, работа мне очень нравилась, и коллектив был хороший. И как раз в это время я стал много писать для детей и подростков. А потом я заметил, что у меня снижается качество работы с животными. Потому что, если ты работаешь с животными и уходишь даже просто на выходной, тебя замещает человек, который не является специалистом по обращению с твоими подопечными. И когда буквально через день ты приходишь, у животного уже все немножко не так: корм немножко не тот дан, убрано немножко не так. Домик немножко сдвинулся, – а для животных очень важно, чтобы дом был в одном и том же месте, чтобы была правильная подстилка.
Через какое-то время я понял, что нужно либо полностью посвятить себя работе с животными, либо полностью уходить в литературу. А у нас в то время о животных практически никто не писал, последним был Святослав Сахарнов. И я решил уйти в писательство, писать о животных. Это было рискованно, потому что я остался без работы, а мои книжки могли и не издавать, их могли не читать. Но меня поддерживала мысль о том, что в современном мире очень важную роль играет образование и популяризация знаний о природе. При этом огромный ущерб природе наносится жителями больших городов. Вот почему так важна просветительская работа именно с городскими жителями, и я решил сделать ставку на нее – это будет эффективней, чем работа служителя в зоопарке.
Конечно, сейчас довольно сложно захватить внимание читателя. Раньше можно было писать так плавно, размеренно, и по ходу какие-то мысли свои вставлять. А теперь гораздо проще посмотреть фильм, чем прочитать книгу. Но меня привлекает возможность рассказать, опираясь на собственный опыт, о красоте мира и показать, насколько может быть интересным мир животных. Недавно я стал писать и для дошкольников – в прошлом году вышла моя книжка-картинка об экологии «Куда ушла гора». Сейчас детям уже в самом раннем возрасте надо начинать рассказывать про экологические проблемы. Потому что с каждым годом они становятся все острее.

– Какие современные идеи помощи природе вы считаете реально полезными?

– Самое эффективное – все, что касается самых обычных городских жителей. Например, сортировка мусора. Это очень важный процесс. Всего лет 10 назад в России сортировки мусора почти не было. А в Москве было всего несколько пунктов раздельного приема мусора, где можно было сдать батарейки, бумагу, картон и пластик. Я как ответственный за это в нашей семье собирал в отдельные пакеты картон, бумагу, пластик, у всех своих знакомых собирал батарейки, лампочки, набивал все эти пакеты в огромный баул и ехал с ним на электричке в Москву. На меня все смотрели с большим подозрением. А сейчас везде наконец поставили контейнеры для раздельного сбора мусора, и этим занимаются все. Я, правда, не уверен, что его целиком и полностью перерабатывают.
Сортировка мусора – жизненно важная деятельность, потому что мусор уже заполонил все.
Еще обязательно нужно следить за тем, что и сколько мы покупаем. Я себя стараюсь

ограничивать по всем позициям. Во всяком случае, новый телефон я не покупал очень давно. Выброшенные старые телефоны отравляют почву. Цветные металлы, которые в них используются, попадают в воду и разносятся по подпочвенным руслам. Это потом приводит к разным тяжелым заболеваниям. Я стараюсь покупать только ту одежду, которая мне необходима, и только те электронно-бытовые приборы, без которых я не могу обойтись. А погоня за модой очень плохо влияет на экологию.

Я уже не говорю про то, что нам необходимо уменьшать химические выбросы. Для этого надо больше пользоваться общественным транспортом и поменьше – автомобилями. И желательно перевести их на экологически чистое топливо – на газ, например.

– Когда вы пишете книгу, вы ставите перед собой какую-то определенную задачу, связанную с охраной редких животных?

– Ты знаешь, задачи всегда разные. Например, у меня есть две книги лирических рассказов о животных, которые я написал, просто глядя в окно. Я живу в подмосковной деревне, и у меня за окном все время что-то происходит, какие-то интересные истории разворачиваются. И я просто сидел и записывал небольшие лирические рассказики. Например, я повесил на дерево кормушку. Она прямо перед моим окном висела, и туда сначала стали прилетать воробьи, потом синицы, потом снегири. А потом вдруг появилась сойка. Причем сначала я не понимал, что это за птица. Я сижу перед окном и слышу, на дереве кошка мяукает. Выглядываю – никого нет. Опять на дереве кто-то мяукает, я выглядываю – опять никого нет. Наконец я «поймал» того, кто мяукал, – оказалось, это сойка.

Сойки очень часто подражают разным звукам, и она сидела там возле кормушки и мяукала. Она, значит, объедала синиц, все семечки съедала. Причем старалась за раз съесть все, что было в кормушке. А в конце концов туда стал прилетать ястреб, который охотился уже на прикормленных мною синиц и воробьев. То есть целая пищевая пирамида получилась. Про это нельзя было не написать, и я написал рассказ.

Из таких разнообразных интересных историй постепенно складываются книжки, которые никакого отношения к охране редких животных не имеют, это просто такие рассказы для души. А «Брат юннат», про работу юного натуралиста в Ташкентском зоопарке, – это уже книжка о выборе профессии. Но книги «Остров, одетый в джерси», про зоопарк Даррелла, и «Праздник поворота рек» про Камбоджу, где я был в экспедиции, это уж точно про охрану животных.

– Но для вас важно, чтобы ваш читатель почувствовал существование экологической проблемы?

– Безусловно, но в некоторых книгах, как в тех же самых лирических рассказах, я рассказываю просто об окружающей нас красоте. Потому что некоторым людям достаточно увидеть, как, например, птица в небе пролетела, или услышать, как жаворонок что-то спел, или цветок они увидели, – и уже переполнены этой красотой, им больше ничего не надо.

Таких людей очень мало. Поэтому лирические рассказы не пользуются такой популярностью, как истории, связанные с какими-то экспедициями или с какими-то приключениями. Но сейчас, действительно, главное – это не спасение редких видов животных, а именно экология в целом. То есть изменение климата, гигантские мусорные острова, которые плавают в море и которые уже сравнимы по площади с Гренландией.

– В книге «Остров, одетый в джерси» вы писали о реинтродукции – искусственном переселении животных на ту территорию их обитания, где они исчезли, для создания новой популяции. Как сегодня решаются эти проблемы?

– В Англии, когда я там работал, была программа по реинтродукции львиноголовых

тамаринов – это очень маленькие обезьянки, которые могут поместиться в карман. Они очень красивые, с золотистой гривой, совершенно чудесные создания. Они живут в Бразилии, но их в конце прошлого века оставалось меньше полусотни. Потому что леса, где они жили, фермеры срубили под свои поля и устроили там банановые плантации. А тамарины питаются фруктами, и, естественно, зверьки стали вредить этим плантациям. Фермеры стали обезьян отстреливать, и их там практически не осталось.
Но дело в том, что нельзя же просто, допустим, вывести в зоопарке дополнительно сотню тамаринов, привезти их в Бразилию и отпустить. Потому что они тут же прибегут к человеку, которого перестали бояться людей за время жизни в неволе. Их нужно было научить выживать в природе. В зоопарке тамаринов просто отпустили бегать среди посетителей, но они могли в любой момент вернуться в клетку и снова оттуда выйти – у них там всегда была какая-то подкормка, ведь в Англии бананы не растут. Тамарины должны были научиться общаться с окружающей средой.
Первое, что они стали делать – это приставать к посетителям, забираться к ним в карманы. Поэтому посетителям стали говорить: отпугивайте, пожалуйста, этих обезьян, потому что они потом приедут в Бразилию и начнут лазить у всех по карманам. В Англии посетители сознательные, и они не давали тамаринам лазить по карманам. А еще тамаринам приходилось спасаться от чаек. Остров Джерси находится в проливе Ла-Манш, а там много чаек, и эти птицы достаточно агрессивные, к тому же они в несколько раз больше тамарина. Защита от чаек – тоже хороший навык. Еще тамарины научились спасаться от холода. Они научились искать в лесу какие-то ягоды.
Но всего этого было недостаточно для того, чтобы просто отпустить их. В Бразилии на территории одного из заповедников для них сделали примерно такие же открытые клетки, чтобы они могли приучаться к настоящей бразильской жизни – без добродушных посетителей, но с суровыми фермерами, которые могли подстрелить их. И это уже заработало, хотя идет пока довольно тяжело. Количество тамаринов постепенно увеличивается, их уже больше трех тысяч. А с фермерами официально договорились, что им будут платить за ущерб, нанесенный тамаринами. То есть если фермеры находят бананы, которые повредили тамарины, и доказали, например, при помощи фотокамер-ловушек, что это сделали именно они, то фермерам платит бразильское правительство.
А на острове Маврикий удалось восстановить поголовье розовых голубей, которых одно время оставалось всего около десятка. Благодаря зоопарку Даррелла, сейчас их уже несколько сотен.
Похожие программы есть и у нас. Например, программа по реинтродукции леопардов. Она очень успешная, потому что у нас одно время леопардов оставалось около 30 особей. Сейчас их число уже подходит к двумстам. Это очень большой успех. Такая же работа ведётся с амурскими тиграми.
Реинтродукция – это хорошо, а интродукция – искусственное заселение животных на новую территорию обитания, где их никогда не было, – плохо. Например, в европейскую часть России завезли енотовидную собаку, рассчитывая на будущую добычу ее меха. Мех оказался, не очень, зато она начала там гнездовья птиц уничтожать. Я про это книжку написал, которая называется «Криволапыч». Неправильно интродуцированные виды – это очень большая проблема.
– А герои «Криволапыча» – это реальные люди?
– Да. История там была такая. Я два месяца жил в Финляндии в резиденции писателей на берегу Балтийского моря, рядом с заповедником. Был декабрь, а зимой там световой день буквально 3 часа длится. То есть у нас рассветало в 12, а в 3 уже была глухая темнота. И

я в этой холодной темноте писал «Праздник поворота рек» – про Камбоджу, про тропики фактически. Это было смешно. В резиденции я познакомился с разными писателями и финскими художниками (это тоже реальные персонажи) и с женщиной, которая была главой и основательницей этого проекта.
Как-то один финский фотохудожник пригласил меня в поездку по окружающим городам. И перед тем, как мы с ним сели в машину, он сказал: «Ты знаешь, я вчера пошел на берег моря недалеко от нашей резиденции и там увидел клетку, в которой сидело какое-то животное. Я не смог его определить. Давай, ты тоже посмотришь». Мы выехали на берег, но клетка была уже пустая.
Потом, вернувшись из поездки, мы спросили у хозяйки резиденции, что за животное сидело в клетке на берегу. Она рассказала, что в Финляндии проводится программа по сокращению енотовидных собак, которые очень сильно вредят птицам. И вот эта собака, сидевшая в клетке, и стала прототипом Криволапыча, который прибежал в финский заповедник из России. Больше того, лис Веган и его хозяин Пекка – тоже реальные герои; Пекка – краевед, у него, правда, лисы нет, но есть собака, очень похожая на лису. Такая очень добродушная, я не удивлюсь, если узнаю, что она вегетарианка. И этот краевед знает все про заповедник, около которого я жил, знает все про финскую природу. Выдумал я только нехорошего персонажа Яри Ярвина.

– Какое животное вы могли бы назвать самым необычным?

– В Камбодже есть лягушка-водовоз, которую так называют потому, что она может выпить огромное количество воды. При этом она становится все больше и больше, раздувается буквально как мешок.
Про необычных животных можно очень долго рассказывать. Про ту же носуху, например, из семейства енотовых, которая, когда я ее держал у себя дома, умудрилась проделать дыру в бетонном балконе. У этого вида совершенно необычная страсть к разрушениям! На самом деле я никому не советую заводить диких животных, потому что как бы вы за ними ни ухаживали, как бы вы их ни любили, все равно в природе или даже в хорошем зоопарке им будет лучше, чем у вас. Поэтому хороший зоопарк, природа – да, а дома держать диких животных не следует, на мой взгляд, только домашних и декоративных, которые специально для этого и выведены.

– А вам одинаково нравятся все виды животных?

– До сих пор не могу привыкнуть к змеям, хотя и сам держал их дома. А в Камбодже я работал с герпетологами, и с нами вместе жила трехметровая кобра. К ней вообще не подходил. Хуже того, эти ребята как-то раз купили целый мешок цепочных гадюк. А это смертельно опасная змея вообще-то. Я это все с ужасом наблюдал. Занимался другими животными – птичками, обезьянками, и дома держал только неядовитых змей.
А когда я был в Финляндии, со мной произошел такой случай. Жил в деревне. И на краю этой деревни под кустом было гнездо гадюк. Причем оно очень старое, и вся деревня знала, что они там живут. Я наблюдал за ними, фотографировал их издалека. Такие толстые, красивые гадюки. И как-то в эту деревню приехала одна моя знакомая финка с ребенком, по образованию она биолог. Говорю ей: «Вон там, под кустами, живут гадюки». Она уточняет, где, берет своего ребенка, и они идут к этому кусту. Он первым нашел гадюку, говорит: «Да вот же она!» – и прямо перед своим носом показывает гадюку. Он стоял, с удовольствием на нее смотрел и старался никак ей не навредить. Мама объяснила ему, что это за гадюка и что если их не трогать, они сами никогда не нападут на человека. Они с сыном посмотрели на змей и тихо ушли. Это мне в финнах очень нравится. Мне кажется, это то, чему нам всем нужно учиться и чему я стараюсь учиться. Но животных, которых я прямо совсем не люблю, нет.

– Есть ли у вас какие-нибудь другие увлечения, кроме зоологии?
– Это музыка, как ни странно. Я одно время довольно серьезно занимался музыкой и даже написал законченное музыкальное произведение. И еще я собираю советские детские книги.
Беседу вел Игнат Варакин
Фото Сергея Махотина

Игнат Варакин, обладатель диплома «Книжный эксперт XXI века», член детской редакции «Папмамбука», 13 лет, с. Рождествено, Московская область.
Источник — papmambook.ru
Еще о Востокове и его книгах :labirint.ru